

Учитель словесности — эпизод 4 из 10

Перед ужином все, молодые и старые, сели играть в судьбу. Взяли две колоды карт: одну сдали всем поровну, другую положили на стол рубашкой вверх.

У кого на руках эта карта, начал торжественно старик Шелестов, поднимая верхнюю карту второй колоды, тому судьба пойти сейчас в детскую и поцеловаться там с няней.

Удовольствие целоваться с няней выпало на долю Шебалдина. Все гурьбой окружили его, повели в детскую и со смехом, хлопая в ладоши, заставили поцеловаться с няней. Поднялся шум, крик...

Не так страстно! кричал Шелестов, плача от смеха. Не так страстно!

Никитину вышла судьба исповедовать всех. Он сел на стул среди залы.

Принесли шаль и накрыли его с головой. Первой пришла к нему исповедоваться Варя.

Я знаю ваши грехи, начал Никитин, глядя в потемках на ее строгий профиль.

Скажите мне, сударыня, с какой это стати вы каждый день гуляете с Полянским? Ох, недаром, недаром она с гусаром!

Это плоско, сказала Варя и ушла.

Затем под шалью заблестели большие неподвижные глаза, обозначился в потемках милый профиль и запахло чем-то дорогим, давно знакомым, что напоминало Никитину комнату Манюси.

Мария Годфруа, сказал он и не узнал своего голоса так он был нежен и мягок, в чем вы грешны?

Манюся прищурила глаза и показала ему кончик языка, потом засмеялась и ушла. А через минуту она уже стояла среди залы, хлопала в ладоши и кричала:

Ужинать, ужинать, ужинать!

И все повалили в столовую.

За ужином Варя опять спорила и на этот раз с отцом. Полянский солидно ел, пил красное вино и рассказывал Никитину, как он раз зимою, будучи на войне, всю ночь простоял по колено в болоте; неприятель был близко, так что не позволялось ни говорить, ни курить, ночь была холодная, темная, дул пронзительный ветер. Никитин слушал и косился на Манюсю. Она глядела на него неподвижно, не мигая, точно задумалась о чем-то или забылась... Для него это было и приятно, и мучительно.

Зачем она на меня так смотрит? мучился он. Это неловко. Могут заметить. Ах, как она еще молода, как наивна!

Гости стали расходиться в полночь. Когда Никитин вышел за ворота, во втором этаже дома хлопнуло окошко и показалась Манюся.

Сергей Васильич! окликнула она. Что прикажете?

Вот что... проговорила Манюся, видимо, придумывая, что бы сказать. Вот что... Полянский обещал прийти на днях со своей фотографией и снять всех нас. Надо будет собраться.

Хорошо.

Манюся скрылась, окно хлопнуло, и тотчас же в доме кто-то заиграл на рояле. Ну, дом! думал Никитин, переходя через улицу. Дом, в котором стонут одни только египетские голуби, да и те потому, что иначе не умеют выражать своей радости!

Но не у одних только Шелестовых жилось весело. Не прошел Никитин и двухсот шагов, как и из другого дома слышались звуки рояля. Прошел он еще немного и увидел у ворот мужика, играющего на балалайке. В саду оркестр грянул попури из русских песен...

Никитин жил в полуверсте от Шелестовых, в квартире из восьми комнат, которую он нанимал за триста рублей в год вместе со своим товарищем, учителем географии и истории Ипполитом Ипполитычем. Этот Ипполит Ипполитыч, еще не старый человек, с рыжею бородкой, курносый, с лицом грубоватым и неинтеллигентным, как у мастерового, но добродушным, когда вернулся домой Никитин, сидел у себя за столом и поправлял ученические карты. Самым нужным и самым важным считалось у него по географии черчение карт, а по истории знание хронологии; по целым ночам сидел он и синим карандашом поправлял карты своих учеников и учениц или же составлял хронологические таблички.

Какая сегодня великолепная погода! сказал Никитин, входя к нему.

Удивляюсь вам, как это вы можете сидеть в комнате.

Ипполит Ипполитыч был человек неразговорчивый; он или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно. Теперь он ответил так: Да, прекрасная погода. Теперь май, скоро будет настоящее лето. А лето не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а летом и без печей тепло. Летом откроешь ночью окна, и всё-таки тепло, а зимой двойные рамы, и всё-таки холодно.

Никитин посидел около стола не больше минуты и соскучился.

Спокойной ночи! сказал он, поднимаясь и зевая. Хотел было я рассказать вам нечто романическое, меня касающееся, но ведь вы география! Начнешь вам о любви, а вы сейчас: В каком году была битва при Калке?